

Светлана Дубовицкая

16+

Побег от дождя (Вопросы любви)

Светлана Дубовицкая

Побег от дождя (Вопросы любви)

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дубовицкая С. Э.

Побег от дождя (Вопросы любви) / С. Э. Дубовицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Он встретил её на литературном вечере. Упрямая и своенравная, она вся состояла из противоречий, и этим сразу привлекла его. Но люди взрослеют, уходит юношеский максимализм. Хорошо ли это? Жизнь всё расставит по своим местам.

© Дубовицкая С. Э., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть 1 Любовь	6
Пролог	6
Аврал	7
Только о литературе	11
В погоне за рукописями	21
В пропасть	27
Открытие	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

*Тот день придёт, и я уйду,
Прошептал напоследок
«До свиданья» дождю.*

*И ты поймешь, что нет меня,
Но я к солнцу сбегаю
От косого дождя.*

*И вот настал мой час,
Прости, я должен уйти,
Тебя оставив здесь
И проливные дожди.*

*Вот день пришёл, и нет меня,
К солнцу я убегаю
От косого дождя.¹*

¹ Вольный перевод песни The Beatles "I'll Follow the Sun".

Часть 1 Любовь

Пролог

...Так уходит последняя жизнь,
Последняя жизнь на то, чтоб понять,
Что, скорее всего, не имеют ответов вэце
Вопросы любви...

Мимо здания школы проехал «опель», из раскрытых окон которого гремела музыка, но автомобиль скоро скрылся из виду, и голос Кортнева растворился в городском шуме. Прозвенел звонок с последнего урока, и толпа радостно галдящих школьников скатилась со школьных ступенек.

– Ты домой?

– Ага!

– Я провожу!

– Спасибо! А ты на тренировку не опоздаешь?

– Нет, мы выиграли соревнования, так что у нас пока нет дополнительных занятий.

– Ну, ты, Андрюх, теперь чемпион! – засмеялась девушка.

– Если бы! Впереди ещё городской тур.

– Опять будете тренироваться день и ночь? – В её голосе послышалось лёгкое недовольство.

– А ты как думала? – парень задумался, а через секунду его лицо озарила лучезарная улыбка. – Но в эту субботу я свободен. Маш, пойдём погуляем?

– Давай, а куда?

– Я слышал, в парке установили аттракционы. Давай посмотрим!

– Окей, когда встречаемся?

– Часов в 12?

– Давай!

– Значит, договорились! Я за тобой зайду.

– Ладно. – Девушка на несколько секунд задержала сияющий взгляд на своём спутнике, а потом смущённо улыбнулась и добавила: – Ну, пока, спасибо, что проводил!

Он развернулся, махнул ей рукой, и всю дорогу до дома глупая улыбка не сходила с его лица.

Аврал

Алексей, шагая через ступеньку, поднимался на третий этаж красивого сталинского дома почти в центре Москвы.

– Мам?

– Привет, Алёш! Есть будешь?

– Да, спасибо!

Вымыв руки, он хлопнулся на стул у стены – на место, с детства считавшееся Алёшиным. Мать поставила перед ним тарелку с ужином.

– О! Котлеты! Мои любимые!

Мать заулыбалась.

– Бабушкины огурцы будешь?

– Давай!

Дом для Алёши пах детством: мамины супы и котлеты, бабушкины солёные огурцы и варенье.

– Папа дома?

– Нет, он сегодня будет поздно. Они никак не могут составить программу концерта.

– Ясно.

Отец занимался организацией концертов и фестивалей, а мама, логопед по специальности, работала с детьми на дому. Это давало ей возможность самой устанавливать график работы, чтобы хватало времени на дом и семью, но Алексея раздражало частое присутствие чужих детей дома. Единственный ребёнок в семье, он с удовольствием принимал всю родительскую заботу и не питал особой симпатии к малышне. Зато его мать любила детей, ей всегда удавалось найти общий язык с любым ребёнком, и, возможно, в этом был залог её успешной работы. Анна Васильевна никогда не заикалась об этом, но в общении с детьми она выплёскивала свою нерастратченную материнскую любовь: много лет назад, когда её сын учился в школе, она забеременела снова и была бы счастлива родить второго ребёнка, но жизнь распорядилась иначе. Беременность закончилась выкидышем, и с тех пор судьба не дала ни одного шанса ещё совсем не старой Анне.

А теперь сын вырос, мамина забота была нужна ему всё меньше и меньше. Скрепя сердце они с мужем даже отдали ему в пользование квартиру, которая пустовала после смерти Анниной свекрови. И хотя сердце у Анны щемило, когда она помогала сыну устроиться в бабушкиной квартире, она, будучи хорошей матерью, ни разу не заикнулась ему о том, как будет тосковать по своему единственному ребёнку. Она понимала: сын стал взрослым, и нужно радоваться его стремлению быть самостоятельным. И она радовалась, как могла, повторяя про себя слова кого-то из философов: «Цель нашего воспитания – научить наших детей обходиться без нас». Ну, и конечно, как всегда и во всём, её поддерживал муж, однажды и навсегда ставший её опорой, и теперь она не представляла себя без него.

– Спасибо, мам!

Сын встал из-за стола и скрылся в своей комнате. Анна с лёгкой грустью посмотрела на захлопнувшуюся дверь и подошла к раковине.

Зайдя в комнату, Алексей тут же включил компьютер. Он ухлопал не меньше часа на просмотр новостей районного масштаба, а также в поисках грядущих мероприятий, но увы! Все выставки были проведены, все детские садики открыты, и даже митингов, как назло, не предвиделось. И даже очередное отцовское мероприятие (прекрасное подспорье для начинающего журналиста), к Лёшиному глубочайшему сожалению, находилось в состоянии «надо было

позавчера, а у нас конь не валялся». Алексей раздражённо хлопнул ладонью по столу, потом схватил телефон и набрал другу.

– Серёг, привет! Как твоё ничего?.. Как репортаж?.. Уже?! Какой молодец! – Последнее было произнесено с плохо скрытым сарказмом. – Что значит отсутствие личной жизни!

Настроение у Алексея было поганое, и он не удержался, чтобы не поддеть друга, который месяц назад расстался со своей девушкой и с тех пор активно проповедовал воздержание и распространял вокруг себя ауру «учение – свет».

– Не завидуй!

«Да уж, – подумал Алексей, – завидовать тут нечему».

Нарисовавшаяся «вдруг откуда ни возьмись» проблема у молодого человека как раз была результатом весьма активной личной жизни. В последнее время он пытался наладить отношения (и вполне успешно!) с Лерой – его давней подругой. «Давней» означало «с первого курса», с тех пор как Лера впервые взглянула в его глаза и бесповоротно растворилась в них, а Алексей решил, что ему нравится этот по-собачьи преданный взгляд.

Она действительно была ему преданна – настолько, что прощала увлечения другими женщинами, никогда не упрекая, а только дожидаясь, когда он вернётся к ней. И Алексей возвращался. Ему было легко и удобно с Лерой. Она была по-настоящему доброй девушкой, а кроме того, она была красива: этакий ангелочек с тонкими, чуть вьющимися, светлыми волосами, серыми глазами и всегда немного смущённой улыбкой. Алексею нравилось бывать с ней на публике, в компании друзей, на вечеринках – он гордился ей. Лера всегда была тактична, никогда не встревала в его разговор, не устраивала сцен. Алексей, пожалуй, даже мог бы назвать её идеалом женщины, если бы его спросили об этом. Но это не мешало ему периодически изменять ей с «неидеальными». После таких отлучек Алексею становилось стыдно, он, виноватый, приползал (иногда буквально – на коленях) к Лере, просил прощения, и они мирились. Примирение было сладким. Пожалуй, без подобных сцен Алексею было бы даже скучно.

И вот после последнего примирения он пообещал Лере (и самому себе) взяться за ум, встать на путь истинный и вообще всё своё внимание подарить девушке, которая, несомненно, этого заслуживала. И он вполне успешно держал данное обещание, искренне увлечёвшись своей деятельностью на личном фронте. настолько успешно, что в один прекрасный день вдруг осознал, что в университете, оказывается, задают домашние задания, причём некоторые из них делаются не за день и даже не за неделю. И что через три дня ему сдавать готовый репортаж о каком-либо событии, а у него нет не только репортажа, но и вообще идей о том, что за событие он должен осветить. Поэтому гордый ответ Серёги об уже сделанной им работе вызвал у Алексея лишь раздражение вместо радости за друга.

– А у тебя как?

– Да никак! Времени совсем нет.

– Ясно, – хмыкнул Серёга. – То-то я тебя в универе давно не видел. И Лерку тоже. Это ты про неё репортаж делаешь? – поддел он.

– Да иди ты! Лучше бы подал идею. Что нынче в мире делается?

– Ну, в мире много чего делается. Вот, например, вчера в Америке премьер...

– Слушай, Серёг, без тебя тошно!

– Без меня, точно, тошно, а вот со мной неплохо: есть у меня одна мыслишка, полезная для тебя...

– Ну?

– Аньку помнишь?

– Какую Аньку? – с тоской спросил бедный Алексей.

– Ну, с четвёртого курса, еще к Митрофанову клеилась?

– Ну... помню, вроде, и чё?

– Да то, что она недавно хвасталась, что, дескать, её гениальные стихи скоро весь универ читать наизусть будет.

Алексей, потеряв терпение, взвился со стула.

– Ты чё, предлагаешь мне у неё интервью взять?!

– Ты не ори, а дослушай! Свои стихи она мечтает увидеть в нашем, университетском, альманахе. А альманах выпускает литературная студия, в которой эта Анька и обретается день и ночь. Митрофанов говорил, что послезавтра у них там будет литературный вечер.

– Да что я буду снимать в этой самодеятельности?!

– Вот чё ты орёшь? – спокойно спросил Серёга. – Не хочешь – не ходи, моё дело предложить. Но, по-моему, ты зря выделяешься. Конечно, не тот масштаб, но всё-таки наше, университетское, мероприятие.

– Ладно, извини, друг! Ты прав, тем более что выбор у меня невелик. Спасибо за идею.

– Для тебя – всё что угодно! – хмыкнули на том конце телефона.

– Слушай, а как мне их найти-то?

– Если не ошибаюсь, руководительница – препод с филфака, у них и надо спросить.

– Ладно, пока! Я твой должник.

Алексей нажал «отбой» и со стоном рухнул головой на стол. До чего докатился! Институтский литературный вечер! Что может быть скучнее и неинтереснее?!

Но выхода у бедного Алёши не было. Поэтому он на следующий же день направил свои стопы, а вернее, колёса автомобиля к гуманитарному корпусу. Вообще-то, на метро было бы быстрее, но поскольку родители всего три месяца назад купили новую машину, а сыну отдали старенький «Фольксваген», он не мог отказать себе в удовольствии при всяком удобном случае постоять в пробке. И даже в опоздании на пару с небрежно брошенной фразой «извините, вся Москва стоит» было что-то... гордое.

Тем не менее, находясь в салоне с самим собой наедине, он проклял всё, когда пытался найти место для парковки. Стоило ехать на машине, чтобы потом ещё полчаса топтать пешком! Но вдруг, когда он уже начал задумываться, стоит ли ещё раз объехать территорию вокруг, его взгляд наконец-то остановился на пустом пятачке между двумя машинами. Ура! Алексей поспешно вдавил тормоз, чтобы не проехать мимо долгожданного парковочного места.

Идти пешком пришлось даже дольше, чем он ожидал. Казавшееся небольшим серое здание на деле никак не желало заканчиваться, и Алексей успел помянуть архитектора сего строения всеми «добрыми» словами, пока не нашёл вход, обнаружившийся с обратной стороны корпуса. Таким образом, в поисках заветной двери Алексей описал вокруг него почти полный круг.

Внутри корпус не представлял собой ничего интересного: длинный коридор, тянувшийся вдоль всего здания, невнятного цвета стены, деревянные двери и стенды между ними.

Как ни странно, руководительницу литературной студии оказалось найти очень легко: в учебной части Алексею назвали её фамилию, а из расписания на стенде он узнал, в какой аудитории она читает лекцию по истории литературы середины девятнадцатого века.

Руководительницей оказалась уже немолодая женщина в длинной юбке, с заметно седеющими волосами, забранными в пучок. Несмотря на непритязательный внешний вид, женщина показалась Алексею весьма симпатичной. Он подумал, что, вероятно, постоянное общение с произведениями литературного искусства и наложило на её внешность отпечаток света и доброты, которые буквально исходили от её лица.

– Здравствуйте, молодой человек! – старушка с пучком подплыла к Алексею, когда он подошёл к кафедре, терпеливо дождавшись, пока разошлись окружившие её студенты – несомненно, она пользовалась популярностью.

– Здравствуйте! Если не ошибаюсь, вы руководитель литературной студии?

- Да. Чем могу помочь?
- К сожалению, не знаю Вашего имени...
- Мария Ивановна, – Алексей пожал протянутую сухонькую ладошку.
- Алексей. Мне нужно сделать репортаж о культурном событии, а я слышал, что у вас планируется литературный вечер...
- О! – улыбнулась почтенная дама. – Нами интересуется пресса! Вы журналист?
- Почти. Надеюсь, стану им через год.
- Я уверена, так и будет! Что ж, мы будем очень рады видеть вас у нас в гостях. Кроме того, нашей студии совсем не помешает ещё один репортаж о ней!
- Я буду очень рад познакомиться поближе с вашим творческим коллективом. – Алексею всегда удавалось легко и непринуждённо завоёвывать симпатии женщин любого возраста. – Я слышал о нём много хорошего и очень заинтересовался. К тому же, вы понимаете, моя специальность схожа с вашей: мы ведь тоже пишем.
- Да, да, вы правы. Итак, мы вас ждём.
- Когда?
- Завтра в 15. 00 в Литературной гостиной, знаете, на девятом этаже?
- Спасибо, как-нибудь найду.
- Тогда до встречи!
- До свидания, Мария Ивановна.

Когда Алексей вышел из здания, на душе у него немного полегчало: по крайней мере, появилась некоторая определённая в планах и обещание того, что репортаж – хороший или нет – у него будет. А кроме того, Мария Ивановна произвела на него очень приятное впечатление. Даже при первой встрече общаться с ней было легко. Несмотря на большую разницу в возрасте Алексей чувствовал себя с ней на равных, что случалось нечасто в общении с пожилыми преподавателями. Мысленно выдохнув с облегчением, юный журналист сел за руль.

Только о литературе

Звонок будильника, какую бы красивую мелодию он ни играл, никогда не покажется приятным звуком. А мысль о том, что сегодня после лекций ему ещё придётся тащиться на этот чёртов литературный вечер, совсем не добавляла Алексею бодрости. Приятное вчерашнее впечатление от знакомства с пожилой руководительницей студии за ночь рассеялось, а вот предвкушение того, что ему придётся «освещать» доморощенный литературный вечер, совсем не радовало. Но Алексей понимал, что ему всё-таки придётся тащиться туда и пытаться раскопать хоть что-то, кроме абсолютной посредственности. «Может, там произойдёт какое-нибудь ЧП? – безнадежно подумал будущий журналист. – Иначе моя работа станет моим последним позором на этом курсе и в универе вообще». Надежда была слабой. Так что он собирал аппаратуру в самом мрачном расположении духа.

«Господи, какой идиот придумал устроить литературный вечер (!) в три часа дня?» Не желая пропустить ещё одну лекцию по зарубежке («Когда я был на ней в последний раз-то?»), Алексей напрямик поехал после неё к гуманитарному корпусу. Времени на обед при таком раскладе, естественно, не осталось, и потому Алексей был голодный и злой.

Наученный горьким опытом, он сразу обошёл теперь уже знакомое здание с нужной стороны. Однако это не помешало обещанной «литературной гостиной» оказаться по закону подлости в самом конце длинного коридора, так что Алексей, несший не очень лёгкую камеру на плече, успел всерьёз задуматься: а вдруг это судьба нарочно препятствует тому, чтобы он попал на этот несчастный «утренник»? Но настойчивому журналисту всё-таки удалось перебороть судьбу.

Студия оказалась примерно такой, какой он её себе и представлял: группа людей, пытающихся создать нечто из ничего и собственного энтузиазма. «Литературная гостиная» являла собой большую комнату, стараниями любителей литературы превращённую одной половиной – в комнату для чаепитий, а другой – в импровизированную маленькую сцену. Впрочем, сцену эта половина комнаты напоминала лишь свободным от мебели пространством и скромно притаившимся в углу стареньким пианино. Вся мебель (столы и стулья) была в художественном беспорядке расставлена на второй половине комнаты. На одном из столов возвышались две немаленькие горки пирогов, обещая сделать приятной, по крайней мере, вторую часть вечера. На остальных столах в художественном беспорядке были разложены листы бумаги, ручки, какие-то брошюры и газеты. На пианино возвышался трёхрогий канделябр с негорящими свечами. Таким образом организаторы сего мероприятия, по-видимому, наивно пытались создать атмосферу литературного салона. И от этих пирогов, от этого нелепо смотрящегося здесь канделябра, от разношёрстных стульев вокруг стандартных парт из ДСП веяло такой самодеятельностью, что первой мыслью Алексея, когда он заглянул в «салон», было сказать, что он ошибся, и уйти. Но мысль о том, что обещанное мероприятие – его последний шанс сдать хоть какую-то работу, заставило молодого человека изобразить на лице приветливую улыбку и поздороваться с женщинами в комнате, которые воззрились на него как на явление свыше, когда он открыл дверь.

В одной из них он узнал Марию Ивановну, три других были молодыми девушками. «Видимо, участницы вечера, которые помогают руководительнице с подготовкой», – догадался Алексей. При виде него они расплылись в улыбках.

– А вот и представитель прессы! – тоже обрадовалась Мария Ивановна. – Давайте знакомиться!

– Алексей, – стараясь быть вежливым, кивнул девушкам молодой человек.

– А это мои помощницы: Анечка, Любаня и Сашенька. Девушки продолжали заворуженно улыбаться, не отводя глаз от журналиста. «Да... – подумал он. – Всё запущено. Одно слово – филфак». Что ж, так было испокон веков. Не зря филологический называют факультетом невест. Здесь каждый представитель мужского пола наперечёт. А уж симпатичный представитель, к каковому можно было смело причислить Алексея, вызывал восторженный интерес.

Надо признать, вниманием женского пола он никогда не был обделён. Девушки западали на него мгновенно, и он платил им взаимностью. Однако, по-своему любя свою Леру, заигрывание с девушками Алексей воспринимал, скорее, как игру – приятную и увлекательную, но не более. Хотя несколько раз такие игры всё же заканчивались ночёвкой в его квартире, но, как правило, ему удавалось быстренько превратить подобные отношения в милую дружбу. Это был его талант: так и не добившиеся серьёзных отношений девушки никогда не держали обиды на молодого человека.

Что касается квартиры, то первое время, ещё на втором курсе, получив от родителей возможность самостоятельной жизни, он был горд и счастлив подаренной ему свободой, однако хватило Алексея ненадолго. Всё-таки самому вести хозяйство (ну, как минимум стираться-убираться и мало-мальски готовить еду) довольно утомительно, поэтому скоро он стал частенько наведываться в родной дом, где всегда покормят, приласкают и спать уложат. А квартира стала использоваться либо для работы, когда нужны тишина и уединение, либо для свиданий.

Так вот теперь, отвечая на улыбки «литературных» девушек, Алексей не был удивлён их повышенным вниманием к нему.

– Ты проходи, Алёшенька, располагайся, – сразу сократила дистанцию Мария Ивановна.

– Спасибо, – Алексей выбрал место и стал устанавливать камеру. Вообще-то он не любил, когда посторонние люди обращались к нему на «ты» и, тем более, так фамильярно. Но из уст Марии Ивановны «Алёшенька» и «ты» не показались ему оскорбительными, несмотря на то что он видел её всего второй раз. За этим обращением ему почему-то послышалась душевная теплота, а не фамильярность.

До начала вечера оставалось около получаса. Постепенно собирался народ – в основном, девушки-студентки, но потом Алексей заметил нескольких парней. Пришла молодая женщина – как он понял по разговору, новенькая преподавательница, которая стремилась везде набираться опыта, и ещё парочка взрослых – судя по всему, родителей кого-то из участников.

Мария Ивановна всех встречала очень радушно. Большинство собравшихся знали друг друга, новеньких пожилая руководительница знакомила между собой. Поскольку к новеньким относился и Алексей, его тоже постигла участь знакомства со всеми, и он прошел это испытание вполне героически. Наконец гости собрались, и вечер начался.

Мария Ивановна торжественно преподнесла Алексею программку мероприятия, из которой он узнал, что оно заключается в чтении стихов со сцены (той самой, которая «полкомнаты»), причём вперемешку: собственных (студенческих) и классической поэзии. «Странное сочетание», – подумал Алексей. После чтений планировалось чаепитие с великосветским обсуждением того, что было прочитано со сцены, а также литературная дискуссия на любую тему, какая придёт в чью-либо вдохновлённую этим «искусством» голову. Алексей с некоторым опасением думал о том, что будет представлять собой «творческая часть», но решил, что уж пирогов-то он во всяком случае дождётся.

Наконец Мария Ивановна вышла перед рассеянными за столами гостями и предложила начать вечер. Алексей включил камеру и, мысленно вздохнув, приготовился слушать.

Первая девушка читала «Я вас люблю...» Пушкина. Читала, в общем, неплохо, довольно прочувствованно, но... Зачем девушке читать мужские стихи? Неужели женских не нашлось? Чем ей хоть Ахматова с Цветаевой не угодили? Алексей не нашёл ответа на свой вопрос.

Девушке зааплодировали. Вторая, словно решив подуспокоить Алексея, читала как раз стихотворение Ахматовой. Но зато (нет в мире совершенства!) читала абсолютно бездарно: с подвываниями и вычурными жестами.

Ей аплодировали не меньше, а может, даже и больше, чем первой.

Стоя за объективом камеры, Алексей понял, что его репортаж будет провальным, если только он не приложит титанические усилия и не сделает из этого г... грандиозного мероприятия конфетку.

Согласно программке, выступающих было тринадцать, и Алексей не знал, радоваться этому (а вдруг всё-таки нарисуеться на сцене хоть что-то достойное?) или расстраиваться (надежда на это была слабой, а вытерпеть придётся все выступления до конца). Несчастный журналист встрепенулся, когда услышал стихотворение Есенина в исполнении чуть ли не единственного на этом вечере парня.

Алексею нравились стихи Есенина. Они затрагивали в его душе какую-то струну, заставляя задуматься о собственной жизни.

«Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган»...

Но парень читал не это, любимое, стихотворение Алексея, а другое – о любви. В есенинских стихах о любви он вообще ничего не находил, вернее сказать, он их не понимал. По мнению жизнелюбивого журналиста, любовь достойна стихотворного выражения только если она захватывает человека целиком, вспыхивает пламенем в сердце, а у Есенина любовь выглядела какой-то мрачной, болезненной и слишком спокойной. Поэтому звучащие со сцены строки снова разочаровали журналиста.

«Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому»...

Некоторые читали со сцены стихи собственного сочинения, и даже неплохие, но Алексея, пришедшего сюда в поисках мероприятия, которое представляет собой хоть какой-то интерес (если не общественный, то хотя бы культурный), мало трогали эти домашние радости. И, естественно, это обстоятельство не вызывало ни малейшего желания вникать в происходящее.

Ближе к концу, во время одного из последних номеров, у него зазвонил телефон, и он, отчаявшись услышать что-нибудь интересное, оставил камеру и отошёл в дальний угол зала. Звонил отец. Он сообщил, что в субботу у них будут гости и выразил надежду, что сын тоже придёт. Но Алексей представил, как он будет два выходных корпеть над репортажем и с сожалением отказался.

Когда он закончил разговор, очередная девушка уходила со сцены. Получилось, что он даже не слышал, что она читала. «Ладно, – подумал Алексей, – всё равно потом на видео увижу». Общим планом камера продолжала снимать, пока он разговаривал.

Когда выступления закончились, Мария Ивановна предложила всем чаю с пирогами. Девушки – её помощницы – засуетились: стали заваривать чай, расставлять пластиковые

тарелки. Гости заговорили хором, знакомые стали выражать своё восхищение выступавшим. Кое-где даже возникли чисто профессиональные споры о литературе.

Алексей водил камерой по залу, выбирая особенно вдохновлённые (и выглядевшие посolidнее) лица, чтобы снять крупным планом. Потом задал несколько вопросов некоторым зрителям о вечере и получил порцию восторгов и восхищений. Он видел, как некоторые девушки бросали на него заинтересованные взгляды, но не заговаривали, видя, что он работает. Зато стоило ему ненадолго выключить камеру, как одна из них тут же подошла с вопросом:

– Вам понравился вечер?

– Да, очень интересно! – Алексей понадеялся, что банальная фраза прозвучала искренне.

– Скажите, Алексей, а для какой передачи вы делаете репортаж?

– Боюсь вас разочаровать, но это всего лишь учебная работа. Вероятнее всего, её увидит только наш курс.

– Вот как... – Девушка явно расстроилась.

– Между прочим, сегодня моя очередь задавать вопросы, – улыбнулся Алексей, включая камеру. – Скажите, пожалуйста, несколько слов о вашем литературном сообществе.

Девушка тут же заволновалась и стала поправлять волосы.

– Ой, ну что вы так сразу... – Голос стал напряжённым, улыбка – ненастоящей, официальной. – Руководителя нашей литературной студии зовут Мария Ивановна. Она прекрасный человек...

И так далее, и тому подобное. Девушка неестественным голосом выдавала сухую информацию. Но за это время вокруг камеры собрались другие участницы. На их лицах мелькал интерес, а некоторые просто мечтали «засветиться» перед камерой. Алексей решил набраться терпения и поговорить со всеми в надежде, что ему расскажут что-нибудь неожиданное.

Его надежды в какой-то мере оправдались. Одна из девушек (она представилась странным именем «Настасья») рассказала, что она учится на фольклорном отделении, а в студию её привело изучение фольклорных мотивов в лирике русских поэтов. С того же отделения оказался и парень, читавший Есенина. Он признался, что это его любимый поэт, и что сам он пишет стихи. Когда парень прочёл несколько своих строк, Алексей заметил в них явное подражание любимому поэту: те же мотивы, похожие образы, любовь к национальной культуре. Кстати, парню очень подходило его имя – Иван.

Все остальные участники были девушки, и, поскольку их было более десятка и говорили они примерно одно и то же, скоро все интервью перемешались у Алексея в голове. Этому способствовало и то (весьма раздражавшее его) обстоятельство, что большинство девушек хотело не столько поговорить о литературе, сколько попасть в объектив камеры. Они прихорашивались, призывно улыбались Алексею и с деланно задумчивым видом произносили красивые слова о литературном творчестве.

Когда толпа желающих сняться в передаче рассеялась в сторону столов с пирогами, Алексей, мысленно стремясь тоже поскорее оказаться там же, стал подводить итоги. Он убрал подаренный ему как почётному гостю последний выпуск университетского альманаха, сунул в сумку программку вечера и стал выключать аппаратуру. И тут понял, что у него не сходятся концы с концами: пролистав отснятые файлы, он убедился, что их двенадцать, а выступающих – тринадцать. Это его заинтересовало. Ведь он отснял всех желающих помаячить перед камерой. Не то чтобы ему было необходимо иметь интервью всех участниц – скорее всего, для репортажа он выберет пару-тройку самых интересных – но ему стало любопытно: кто же та тринадцатая, которая даже не подошла познакомиться с «представителем прессы»? Алексей окинул взглядом зал. Литературный вечер шёл своим чередом: гости увлечённо разговаривали, ели пироги, пили чай. Некоторые девушки иногда поглядывали в его сторону. Он узнал тех, на кого смотрел через объектив камеры. Но где же тринадцатая? Ей что, совсем не хочется «попасть в телевизор»? Заинтригованный, Алексей снова включил камеру и стал просматри-

вать видеофайлы, попутно отмечая в программке тех, чьё выступление он просмотрел. Но, видно, какой-то чёртик решил подразнить журналиста: после третьего файла у камеры сел аккумулятор. Чертыхнувшись, Алексей поднял глаза в поисках розетки и наткнулся взглядом на пластиковую тарелку с аппетитно пахнущим пирожком. Он поднял глаза выше. Перед ним стояла девчонка, по виду ещё школьница, во всяком случае, Алексей не дал бы ей больше шестнадцати лет. «Наверное, чья-нибудь младшая сестра», – подумал он. Девчонка была черноволосая, невысокого роста, её волосы были завязаны в толстый хвост. Алексею бросился в глаза её наряд: короткие шорты, красная рубашка в клетку и тёплые красные колготки – не то чтобы некрасиво, но как-то слишком ярко. Впрочем, ей шёл красный цвет. В ладонях с по-детски короткими пальчиками она держала тарелку.

– Привет! – она с любопытством и без тени смущения разглядывала журналиста. – Съешь пирожок, очень вкусные, особенно с яблоком. Жалко, последний.

– Спасибо, – несколько растерялся Алексей.

Она говорила так, словно они были давно знакомы. Он взял из её рук пластиковую тарелку.

– О, правда очень вкусно! – и посмотрел ей в глаза. Вид у девчонки был несколько удивлённый. Затем она усмехнулась:

– Ну, спасибо!

Он не понял:

– Что?

– Я рада, что тебе нравится.

Тут до него дошло:

– Это что, ты пекла? – «Никогда бы не подумал – она же мелкая!»

Её тёмно-карие, почти чёрные, глаза глядели насмешливо. «Впрочем, – подумал Алексей, – вид у меня, наверно, и правда, глупый».

– Ну, ладно, – она вздохнула, при этом не переставая улыбаться, – пойду себе плюшку возьму.

Она развернулась, толстый хвост хлестнул её по затылку. Алексей ошеломлённо посмотрел ей вслед. И тут до него начал медленно доходить ещё один факт: она и не собиралась угощать его пирогом, она собиралась съесть его сама, а подошла, чтобы просто пригласить его к столу. «Чёрт!» – прошипел журналист. – А я, дурак, выхватил у неё из рук тарелку! Как неудобно! В жизни ещё не попадал в такую глупую ситуацию!»

Девчонка вернулась, откусывая на ходу плюшку.

– Ты извини, я подумал, что ты меня угощаешь... Пирог, правда, очень вкусный! Это был последний с яблоком?

Она заливисто расхохоталась.

– Не бери в голову, я себе ещё напеку.

– Хочешь, я тебе чаю принесу? – Алексею хотелось заглядить перед ней свою вину.

Она хитро глянула на него:

– Давай, – и уселась на стул рядом с его камерой, по-детски поджав под себя ноги.

Алексей отправился на поиски чашки.

– Вот. Ещё раз извини... – Она недовольно поморщилась: похоже, её не интересовали его извинения. Впрочем, Алексею показалось, что она и не обиделась. – Как тебя зовут?

– Дусь! – донеслось из зала, и он обернулся. К ним подходила девушка – одна из выступавших. Он даже вспомнил, что её зовут Настасья. – Послушай, что Ваня говорит... – продолжала она, явно обращаясь не к журналисту.

– Евдокия, – не обращая внимания на подругу, ответила на его вопрос черноволосая. Алексей вопросительно вскинул брови и взглянул на свою собеседницу. Та недовольно зашипела, потом ответила: – Ладно, можно Дуся.

– Знаешь, у Вани есть идея по поводу следующего выпуска, – затарахтела подруга, настойчиво добиваясь внимания.

– Какая?

Алексей вполне определённо почувствовал себя лишним, и ему это не понравилось. За последние несколько часов он успел уже привыкнуть к мысли, что он – почётный гость. Но тут Настасья, похоже, всё-таки сообразила, что встряла в разговор.

– Ой, извините, я вас перебила! Дуся, ты даёшь интервью? – она заулыбалась.

– Нет, – ответила черноволосая.

– А почему? – продолжала допытываться подруга.

– Я уже отснял все необходимые материалы, – Алексея начала раздражать её настырность. Им всем что, перед объективом мёдом намазано?! Если он будет брать интервью у каждой малявки, которая забрела на огонёк...

– Так, выходит, Дусь, ты уже выдала прессе все тайны закулисья?

– Ты же слышала: нынче СМИ не интересуется личной жизнью литераторов!

– Литераторов? – глупо переспросил Алексей, чувствуя, что упускает что-то важное в их ироничной перепалке.

И тут его осенило. От неожиданности он сразу выпалил то, что пришло в голову:

– Так ты тринадцатая!

– Смотря в каком смысле, – Дуся насмешливо вскинула брови. – Ну да, я и есть чертёнок номер тринадцать, – ответила она и задорно расхохоталась. Резкие движения, чёрные, торчащие из хвоста волосы, блестящие насмешливые тёмные глаза – она и впрямь была чем-то похожа на чертёнка.

– Да нет, – поспешно заговорил Алексей. Он решил не обижаться на смех, поскольку догадывался, что, и правда, сморозил глупость. – Я пообщался со всеми участницами концерта, кроме тебя. Я тебя не смог найти. – Он не стал признаваться, что вообще не помнил, как она выглядела. Теперь он сообразил, что именно её выступление он пропустил, пока разговаривал по телефону. – Что ж ты раньше молчала!

– Вообще-то я непрерывно разговариваю с тобой, с тех пор как ты съел мой пирог.

Настасья воззрилась на них с подозрением, явно не понимая, о чём речь, но Алексей решил не обращать на неё внимания. Рассказывать в подробностях, как они познакомились с Дусей, ему совершенно не хотелось.

– Напомни, пожалуйста, что ты читала, – попросил он, снова доставая камеру. Вообще-то «напомни» было не совсем точной формулировкой: трудно вспомнить то, чего и не знал.

– Берггольц.

– Что?! – Алексей замер, так и не достав аппаратуру. «Эта пигалица, наряженная, как на детский утренник, читала стихи Ольги Берггольц?!» – А, ну да... – опомнился он и продолжил доставать камеру. – Чёрт! Где у вас розетка? У меня аккумулятор сел.

Дуся мотнула головой через плечо.

– Ладно, Дусь, я тогда тебе потом расскажу про декабрьский выпуск, – Настасья отошла обратно к столам.

Алексее удалось наконец включить камеру. Он направил её на собеседницу, которая по-прежнему сидела на стуле, поджав ногу и допивала чай, держа чашку обеими руками.

– Расскажи, пожалуйста, о вашей литературной студии.

Дуся пожала плечами:

– Тебе уж, небось, двенадцать раз рассказали, – поддела она.

Она попала в точку, но журналист хотел услышать именно её впечатления. А Дуся продолжала пить чай, не обращая ни малейшего внимания на камеру. Алексей даже удивился. Все здешние, не привыкшие к объективу девушки смущались перед камерой, но Дусе, по-видимому, было всё равно, какое она произведёт впечатление.

- Тогда Расскажи немного о себе, – предложил журналист.
- Что рассказывать?

Ему показалось, что она нарочно дразнит его, но решил набраться терпения. Зачем? Разве ему мало было материала для репортажа? Нет. Всё, что он мог, он выжал из этого мероприятия. Возможно, его просто раздражала её неуступчивость.

- Расскажи, где ты учишься.
- Здесь.
- Где «здесь»?
- В университете, – она посмотрела на него как на дурака.
- А... на каком курсе?
- Первом. Отделение перевода.
- Сколько ж тебе лет? – не выдержал он.
- Семнадцать.

Значит, она была на год младше своих однокурсников, а выглядела и вовсе школьницей.

- Я в школу пошла с шести лет, – пояснила она, очень точно расшифровав его реакцию.
- А что привлекло тебя в литературной студии?
- Хочу печататься.
- Ты пишешь стихи?
- И стихи тоже.
- Тоже?
- Ещё небольшие рассказы. Так, зарисовки.

– Ну, я желаю тебе увидеть когда-нибудь свои строки в печати. – Алексей говорил искренне. Девчонка – такая маленькая и такая настойчивая – была ему симпатична.

- Я уже видела.

– Тебя уже напечатали? – удивился он. «Только начала учиться, а её уже печатают в альманахе!» Девчонка вызывала всё больше уважения.

- Да, в предыдущем выпуске.

- А можно почитать? – Алексею уже на самом деле было интересно, что она умеет.

– У меня с собой нет – дома. – У неё была странная манера выражаться: фразы были обрывистые, как будто какая-то часть слов оставалась у неё в голове. – Могу принести, только ты потом отдай.

- Да, конечно, давай как-нибудь встретимся.

- Окей, ты у нас бываешь?

- Я могу подъехать.

- Если хочешь, мы можем встретиться где-нибудь в метро?

Алексей поразился тому, что она пытается облегчить ему жизнь. Обычно девушкам нравится, когда ради них что-то делают. Тем более что в этой встрече был, в первую очередь, заинтересован он.

- Нет, я на той неделе буду здесь: мне нужно в библиотеку.

Алексей врал. В его корпусе библиотека была лучше, но ему хотелось при встрече поговорить с ней, что вряд ли получилось бы, если бы они встретились в метро. Он подумал о том, что мог бы угостить её кофе – в конце концов, он её должник за сегодняшний пирог.

- Ладно.

Алексей уже выключил камеру, но уходить не хотелось, хотя гости уже начали постепенно расходиться. С Дусей ему было комфортно, от неё словно исходило какое-то тепло. А кроме того, она вела себя так естественно, что с ней ему совсем не хотелось притворяться, пытаться произвести какое-то впечатление. Может быть, это было оттого, что он не смотрел на неё как на симпатичную девушку. Она ему нравилась как человек, а ещё ему доставляло удовольствие

говорить с ней, и почему-то было очень легко рассказывать о себе. Он и рассказывал: о том, где он учится, где подрабатывает, рассказывал о своих планах после выпуска.

Гости уже почти разошлись, а они всё говорили и говорили. Девчонка казалась необычной, и ему хотелось разгадать эту загадку, и поэтому он расспрашивать её обо всём подряд:

– Какой твой любимый писатель?

Дуся снова удивила его:

– Достоевский.

«Впрочем, – подумал он, – если ей нравятся стихи Ольги Берггольц, то почему бы ей не любить Достоевского? Судя по всему, Дуся была начитанной девочкой и понимала очень глубокие вещи, несмотря на свой юный возраст.

– А твой?

– Мне нравится Шукшин.

– А из классики?

Классика ассоциировалась у Алексея со школьной программой, и хотя за университетские годы отвращение к ней прошло, но интерес к литературе девятнадцатого века так и не появился. Поэтому он решил отшутиться:

– Ну, Пушкин – это наше всё!

– Мне нравится «Выстрел», – задумчиво добавила она.

– Тебе нравится учиться здесь?

– Очень. Между прочим, переводить лирику ещё сложнее, чем сочинять. Перевод Лермонтова из Гёте печатается в сборнике стихов Лермонтова! – она говорила с жаром. Молодой человек понял, что литература прямо-таки её страсть, и она знакома с ней (во всяком случае, с классикой) гораздо лучше, чем это необходимо студентам-переводчикам. А ещё его насмешило, что их разговор свернул в область литературы. Что ж, в конце концов, так и должно быть на литературном вечере.

– Молодые люди, вы домой не собираетесь? – Перед ними стояла улыбающаяся Мария Ивановна. – Или ещё не все литературные вопросы решены?

Алексей вдруг заметил, что аудитория опустела, остались только они втроём. Со столов уже было всё убрано. Он удивился, что не заметил, как это произошло – настолько он увлёкся разговором с девочкой. Вернее, не только разговором: слушая, он с любопытством разглядывал её. Дусю вряд ли можно было назвать красавицей, но её лицо привлекало внимание. Оно было настолько живым, на нём отражалось так много эмоций, что хотелось смотреть на него не отрываясь. А ещё у девочки был странный разрез глаз: уголки опущены книзу, отчего взгляд всегда казался немного грустным, даже когда она улыбалась. А когда Дуся опускала длинные чёрные ресницы, то глаза словно подёргивались туманом. Говорила она тоже очень эмоционально, помогая своим мыслям быстрыми жестами. На тонком запястье Алексей заметил большие мужские часы, явно несовременные.

– Это твои?

– А ты думал, я их украла?

Алексей подумал о том, надоест ли ей когда-нибудь дразнить его.

– Нет, но я подумал, что они старше тебя.

– Точно, это часы моего дедушки. Можно сказать, наследство, – она хмыкнула. – Ему подарила их бабушка – первый подарок после войны – очень дорогой подарок, – она вдруг заговорила негромко и с нежностью в голосе.

Алексея впечатлило то, как она относилась к памяти, к истории своей семьи, ну, конечно, и то, что она вообще носила их – весьма странное украшение для девушки.

– Ой, уже все ушли! – подскочила Дуся. Алексей догадался, что она тоже на время разговора выпала из реальности. – Давайте я вам помогу поставить на место парты, – и ринулась двигать мебель. Он, конечно, поспешил помочь девушке.

Когда аудитория приняла вид обычного класса, Дуся попрощалась с Марией Ивановной, Алексей тоже поблагодарил пожилую руководительницу за приятный вечер, пообещал подарить диск с готовым репортажем и вышел вслед за девочкой в длинный коридор.

– Ты сейчас куда? – спросил он, когда она, закинув за плечо рюкзак, застёгивала на ходу спортивную куртку.

– Домой.

«Замечательный ответ!» – с сарказмом подумал Алексей, а вслух пояснил (с некоторой гордостью): – Я имел в виду, что мог бы тебя подвезти на машине.

– Не, я люблю ездить на метро, – Дуся не удосужилась поблагодарить за предложение.

– Впервые встречаю такого человека! – поразился Алексей.

Действительно, что может быть привлекательного в толпе народа в душном, шумном вагоне, если ты, конечно, не гость столицы? Алексею всегда было жалко времени, потраченного на дорогу.

– Наверно, многие думают, как ты, – заявила она. – Так вот почему почти все в метро едут с мрачными лицами!

– А должны ехать и непрерывно улыбаться, как дураки? – поддел он.

Она фыркнула.

– В метро можно переделать кучу дел: читать, слушать музыку, спать, в конце концов. Я люблю писать стихи или просто думать. В метро можно побыть наедине с собой, – проговорила она задумчиво.

– В толпе?

– В толпе как раз человек всегда одинок. Не замечал?

– Пожалуй...

В её рассуждениях было немало философского, хотя, похоже, она сама не осознавала этого.

– Так ты поедешь со мной или предпочтёшь думать?

– Думать. И я ненавижу пробки.

Алексей постарался не обидеться, к тому же, как ни странно, он был уверен, что она говорила только то, что думала. Она, действительно, просто не хотела ехать на машине.

– Так я тебе позвоню по поводу альманаха?

– Да, пиши номер.

Он набрал цифры на телефоне, и из её сумки донеслась песня:

«... Возможно, ты цветок на лугу,

А может, ветерок в облаках.

Тебя я удержать не могу,

Ты вянешь в руках...»

– Любишь «Несчастный случай»?

– Я много чего люблю.

– Например?

– Русские романсы, Scorpions, иногда слушаю этническую музыку.

«Ну и разброс! – подумал Алексей. – Как она умудряется любить всё это одновременно?»

– Ладно, тогда созвонимся, – сказал он, когда они уже почти дошли до метро.

– А где твоя машина? – вдруг спросила она.

– Там, – он кивнул головой назад.

– А зачем тогда ты идёшь к метро?

Алексея удивил столь наивный вопрос.

– Тебя провожаю.

– Да я сама дойду, ты поезжай!

– Да мне не трудно.

Она посмотрела на него подозрительно, но промолчала. А Алексей задумался над её реакцией. Что необычного в том, чтобы проводить до метро? Её что, ещё никто никогда не провожал? Возможно, так оно и было, во всяком случае, до этого момента Алексей и не думал провожать её – просто шёл рядом, не желая прерывать разговор. А теперь он сам прервался, и повисло напряжённое молчание. Так, молча, они и дошли до красной буквы «М».

– Ладно, пока! – она подняла раскрытую ладошку, что, по-видимому, должно было означать жест прощания, развернулась и пошла, не оглядываясь.

– Приятно было познакомиться, – проворчал он себе под нос.

В погоне за рукописями

Выходные у Алексея прошли под знаком «терпение и труд всё перетрут». Вот они и старались перетереть его несчастный мозг, пока он, запершись от мира в бабушкиной однушке, работал над репортажем. Пересматривая отснятые кадры, он нашёл наконец Дусино выступление. Ей снова удалось впечатлить его: Дуся читала стихотворение «Дальним друзьям». Она читала не так, как обычно читают стихи со сцены, а словно бы разговаривая, как в жизни, с близкими людьми. И оттого строки звучали очень просто, искренне и... как-то даже интимно. Кстати, слушая Дусино чтение, Алексей не уловил ни одной знакомой интонации, как будто читала не она, а совсем другой человек, как будто она играла роль, но играла столь убедительно, что он не заметил ни одной фальшивой ноты.

«Вы не бойтесь, я беру не много
на себя: я встречу у порога,
в красный угол сразу посажу.
Расспрошу о ваших неудачах,
нету слез у вас – за вас поплачу,
нет улыбки – сердцем разбуджу» ...

Её выступление он включил в репортаж, а вот интервью не стал. Их разговор был совсем не похож на интервью: её усмешки, обрывистые фразы, какие-то непонятные вопросы... В общем, выглядело это как-то недостаточно литературно. А вот Дусины по-настоящему тонкие замечания о литературе, о её интересах прозвучали при выключенной камере. Так что Алексею пришлось выискивать другие отрывки из снятого.

В воскресенье далеко за полночь Алексей похлопал глазами, в которые, казалось, насыпали песку, но зато с чувством выполненного долга сунул в сумку диск с готовым репортажем и направился к холодильнику. От полуфабрикатов уже подташнивало, а готовить что-то сил не было. В итоге Алексей налил себе стакан молока и сжевал пару кусков колбасы с хлебом. Сон накрыл его, едва он положил голову на подушку, однако перегруженное сознание продолжало бодрствовать, всю ночь «развлекая» журналиста кадрами из какой-то странной передачи, где Лерка давала интервью, Дуся пекла пироги, а Серёга почему-то играл на ксилофоне, причём играл очень плохо, на одной ноте, и Алексею очень хотелось, чтобы он заткнулся. Но Серёге, видно, нравилось играть, и он не обращал никакого внимания на мольбы друга. Тогда Алексей решил встать и отобрать у него палочки, и ему это даже удалось, но почему-то звон продолжался, и тут до Алексея дошло, что он лежит на кровати, над ухом раздражающе звенит будильник и хочешь-не хочешь надо вставать и ехать в универ.

Студент с закрытыми глазами добрёл до ванной, поплескал в лицо холодной водой, чтобы проснуться, но попытка не удалась, и даже кофе не помог. Поэтому он решил поехать на метро: отчасти боясь уснуть за рулём, а отчасти потому, что ему не хотелось опоздать на презентацию репортажей. Стоя в набитом вагоне метро и пытаясь держать глаза открытыми, Алексей вспомнил Дусину фразу о том, что в метро можно поспать. Воспоминание очень раздражало.

Однако его старания не пропали даром. Кротов оценил тяжкий труд Алексея, заметив, правда, что он пошёл самым лёгким путём – ограничившись университетской культурной жизнью, но зато похвалил его профессиональные навыки в компоновке материала.

Успешную сдачу работ надо было отметить.

– Гуляем?

– Серёг, я твой должник, с меня бутылка!

Так что вечер понедельника прошёл шумно, весело, омрачало только одно: назавтра снова в универ, хорошо хоть ко второй паре. Кроме того, над душой у Алексея ещё висела статья для газеты, которую к среде надо было сдавать. Так что вторник тоже весь прошёл в трудах. В среду можно было немного выдохнуть, к тому же он обещал Лере сходит в кино (хотя, если бы она не напомнила, то он, закружившись с делами, точно бы забыл о своём обещании).

Фильм, по-видимому, был рассчитан на избранных и был пронизан философскими идеями до занудства, так что скоро после начала мысли Алексея пошли своим путём и добрались до обещанного ему альманаха. Он решил назавтра съездить в гуманитарный корпус после пятой пары. Но сначала нужно было позвонить Дусе, что он и сделал прямо тут же, не боясь упустить что-то важное в фильме. Он набирал номер дважды, но она не брала трубку. Алексею стало досадно: он понял, что если не дозвонится, то встречу придётся отложить на неопределённый срок, так как просвета в делах не намечается. К полуночи, ложась спать, он понял, что его план благополучно накрывается медным тазом, и мысленно послал куда подальше эту несчастную поэтессу с её альманахом. Но вдруг дождался весьма лаконичной эсэмески с её номера: «Что?» «Мда... – подумал Алексей. – Краткость – сестра таланта. Интересно, она Чехова любит?» Ему стало даже немного обидно: могла бы позвонить или хотя бы поздороваться, всё-таки они ещё ни разу не созванивались, да и вообще только познакомились неделю назад. Но он принял её правила игры и написал: «Можно я подъеду к твоему корпусу завтра в 5?» Она ответила в той же манере: «ОК».

Алексей понял, что его это раздражает, даже создается впечатление, что она хочет от него отделаться. «Впрочем, уже поздно, может, ей неудобно разговаривать?» – примирительно подумал он.

Увидев его репортаж, Лера заинтересовалась литературной студией.

– Надо же! Я и не знала, что у нас такая существует. Мне было бы интересно туда сходить. А они берут всех желающих?

– Наверно, не знаю, я не спрашивал. Зачем тебе это?

Лера пожала плечами:

– Мне кажется интересным то, чем они занимаются, хочу познакомиться с ними поближе.

Алексею показалось странной Лерина реакция: она редко интересовалась чем-то, кроме «дел». Она была для этого слишком серьёзной. А уж эта студия точно не привлекла бы внимания Алексея, если бы не необходимость сделать репортаж.

– Я сейчас туда поеду. Мне обещали дать почитать их альманах. Так что увидимся завтра.

– Здорово! А мне покажешь? – заулыбалась Лера.

– Обязательно.

Он чмокнул её в щёку и сел в машину.

Алексей заходил в гуманитарный корпус, на ходу набирая Дусин номер. Где конкретно её искать-то? В телефоне шли длинные гудки. Алексей раздражённо выругался: она вообще когда-нибудь берёт трубку? Но Дуся недолго заставила его злиться: сразу за пропускным пунктом он увидел её фигуру, встречающую его, как гид – туристов. Только вместо таблички в руках был пластиковый стаканчик.

– Привет! – поздоровался он. – Как дела?

– Угу.

«Мда, – подумал Алексей, – её совсем не учили правилам этикета?» Всё-таки эта девчонка иногда очень сильно раздражала его. Он решил преподать небольшой урок:

– «Угу» – это «хорошо» или «плохо»?

– Отлично! – ответила она. – Такие вопросы задают из вежливости. Ты ведь не ждёшь подробного отчёта о моей жизни с того момента, как видел меня неделю назад? Так вот, я оценила твоё внимание. – Она лучезарно улыбнулась.

Алексей понял, что она умеет не только раздражать, но и ставить в тупик, и что это ему не нравится.

– Я тебе звонил, ты не брала трубку, – раздражённо сказал он.

– Да? – С удивлением на лице она выудила телефон из кармана и уставилась на экран. – О, точно, у меня был звук выключен. – Её совершенно не волновало недовольство собеседника по этому поводу.

«Могла бы извиниться!» – с досадой подумал он, и поэтому, заговорил гораздо резче, чем следовало:

– Ты обещала журнал.

– Да, только он остался в читальном зале, там мои вещи. Сейчас чай допью, – она кивнула на стакан, – и пойдём, а то меня не пустят. Пойдём сядем.

Дуся направилась вглубь холла и села батарее у стены. Алексею ничего не оставалось делать, кроме как сесть рядом. Она молча пила чай, задумчиво глядя перед собой, а он от нечего делать стал рассматривать девочку. В этот раз она выглядела менее экстравагантно, чем тогда: джинсы, кроссовки, длинная зелёная толстовка с меховым капюшоном, полностью скрывающая её фигуру. Волосы были завязаны в толстый пучок на макушке, из которого, как иголки у ёжика, во все стороны торчали кончики волос.

Уже через пару минут он почувствовал, что сидеть на батарее крайне неудобно и что его зад прямо-таки покрывается рельефным узором в полосочку. К счастью, когда он встал, не выдержав больше сидения на этом пыточном кресле, она тоже поднялась и метнула стаканчик в стоящую неподалёку мусорку.

Они вместе прошли в читальный зал, никто даже не попросил показать читательский билет – в гуманитарном корпусе всё было проще. Дуся подошла к одному из столов, на котором были веером разбросаны книги, тетрадь, ручки, а ещё стопка бумажек, исписанных крупным, корявым и совершенно нечитаемым почерком. Из-под всей этой кучи Дуся выудила октябрьский выпуск альманаха. Заглянув в оглавление, Алексей обнаружил там только одно её стихотворение. Он надеялся, что их будет больше.

– К сожалению, выпуск моего сборника пока не планируется, – усмехнулась она.

– А что, материала бы хватило?

– Вполне.

– А можно почитать остальное?

– Ладно, могу дать кое-что.

– Пришли мне по почте.

Она нахмурилась:

– У меня нет своего ящика.

– Тогда просто принеси. Я всё равно ещё сюда приеду, чтобы отдать диск с репортажем Марии Ивановне. Я ей обещал.

– Отдай. Ей будет приятно, – Алексей почувствовал, с каким теплом Дуся отозвалась о своей руководительнице.

– По каким дням вы собираетесь?

– По понедельникам и четвергам.

– Тогда увидимся.

Дуся кивнула и подняла ладошку – «Пока!»

Следующая неделя у Алексея прошла в делах, в учёбе, и, если бы не обещание Марии Ивановне, он бы точно не вспомнил ни про студию, ни про Дусю с её стихами. Хотя то един-

ственное, что было в сборнике, ему понравилось. Стихотворение посвящалось бабушке и представляло собой наблюдение за женщиной, прожившей долгую и непростую жизнь. Алексей усмехнулся, когда понял, что оно заключает в себе вопрос о смысле жизни. Необычно – для семнадцатилетней девочки. Ему ещё больше захотелось прочитать остальные и узнать, что у Дуси в голове. Он поймал себя на мысли, что действительно заинтересовался этим феноменом, с которым столкнулся волей случая на импровизированном университетском литературном вечере. При этом Алексей не воспринимал Дусю как равную себе – симпатичную, талантливую девушку. Она была для него, скорее, странным, одарённым, неординарным ребёнком, из которого ещё неизвестно что вырастет.

Сдав статью в журнал, Алексей почувствовал облегчение: в ближайшие дни можно было расслабиться и ни о чём не думать (кроме ежедневных заданий в универе, конечно). Поэтому вечер пятницы обещал стать очень приятным: они были вдвоём с Лерой, она разогревала в духовке купленную по дороге пиццу, на столе заманчиво темнела бутылка вина, а Алексей пытался хоть немного разобрать свалку проводов и дисков на столе. Сегодня Лера оставалась с ним. Ему нравилось устраивать такие, как он иронично называл их про себя, «романтические» вечера, остаться же у него насовсем он не предлагал никогда и никому, даже Лере. Он не хотел связывать себя подобного рода обещаниями, предпочитая независимость. А кроме того, ему претила мысль о том, что женщина будет постоянно присутствовать в его квартире, наводить свои порядки, мелькать туда-сюда, как это представлялось герою известного фильма. Не то чтобы он собирался всю жизнь прожить один, нет, конечно, он понимал, что рано или поздно женится, заведёт ребёнка, и, может быть даже, его избранницей станет Лера. В конце концов, она девушка хорошая, добрая, красивая... К тому же, она нравилась его родителям... Но, в любом случае, это случится нескоро. Куда спешить? Ему всего двадцать три, надо найти хорошую работу – ведь для семьи нужно много денег. Одним словом, Алексей был вполне ответственным молодым человеком.

– Так когда ты поедешь отдавать диск?

– А? – Вопрос Леры выдернул Алексея из его мыслей. – Не знаю, надо выбрать время.

А что?

– Я хочу поехать с тобой. Можно?

– Зачем?

– Ну, я говорила тебе, мне интересно посмотреть, как они занимаются. А может, я тоже буду заниматься в студии? – Лера смотрела на него с умоляющей улыбкой.

Вообще-то Алексей предпочёл бы поехать туда один. У него почему-то сложилось ощущение, что знакомство со студией – это его, личное, дело. Как будто он был единственным, кто вхож в этот круг. Он и сам понимал, что это глупо, тем более что в студии были студенты с разных факультетов, хотя с журналистики – он один. Алексей представил, что снова встретится со всеми этими теперь уже знакомыми людьми, и вдруг осознал, что ему это будет приятно, как бывает приятно снова прийти туда, где однажды тебе очень понравилось. Он и не догадывался, что студия произвела на него такое впечатление. Видимо, дело было в той душевной, домашней атмосфере, которую удалось создать Марии Ивановне. Это был словно маленький закрытый мирок, и Алексею показалось, что Лера, придя из его, Алёшиного, мира, разрушит этот – замкнутый, литературный. Алексей словно подсознательно хотел сохранить свою тайну.

Но у него не было причин отказывать Лере, поэтому он обещал ей, что в понедельник они поедут вместе. Уже в воскресенье вечером он сообразил, что надо напомнить Дусе про стихи, которые она обещала дать ему почитать, и набрал её номер. В этот раз она ответила сразу, только голос был какой-то странный, так что он даже её не узнал.

– Дуся?

– Да-да, я слушаю.

В трубке издали послышался резкий женский голос, который что-то выкрикивал.

- Дусь, ты завтра будешь в студии? Я собираюсь подъехать...
- Да-да... – как-то растерянно и невпопад перебила его девочка. Голос около неё продолжал кричать. – Хорошо, хорошо!
- Что? – Алексей не понял.
- Извини, я не тебе.
- Тебе неудобно сейчас говорить?
- Я перезвоню, – поспешно проговорила Дуся и, не дождавшись ответа, отключилась. Алексей недоумённо уставился на телефон.
- Что случилось? – спросила Лера.
- Мне одна девочка из студии обещала дать почитать свои стихи.
- А как её зовут?
- ...Евдокия, – запнулся Алексей и почему-то назвал полное имя.
- Какое редкое имя! Но красивое.
- Дуся перезвонила минут через пятнадцать.
- Привет, Лёш, – голос у неё был уставший.
- Привет. У тебя всё в порядке?
- У меня всё отлично. Что ты хотел?
- Я завтра собираюсь посетить ваше тайное общество, – пошутил он, чтобы рассеять её напряжение.
- Ему это не удалось.
- И?
- Ты обещала мне раритетные рукописи.
- Что?
- Алексей понял, что мыслями Дуся была далеко.
- Ты принесёшь мне свои стихи?
- А, да, конечно.
- Тогда до завтра!
- Пока.

В студии Алексея приняли с распростёртыми объятиями, закидали вопросами о том, как прошёл репортаж, а уж когда он достал из сумки подарок – диск, то и вовсе стал героем дня. Все загомонили ещё громче, засыпали его благодарностями и стали решать, кто и когда сможет принести ноутбук, чтобы посмотреть видео. Среди студентов он узнал Настасью, Ивана и ещё несколько знакомых лиц.

– А это Лера, моя однокурсница, – Лера бросила на него короткий тоскливый взгляд.

– Дусенька, здравствуй! – раздался голос Марии Ивановны. – Посмотри, кто к нам пришёл. Алёша сделал нам замечательный подарок! – Руководительница, улыбаясь, держала в руках диск.

– Здравствуйте, Мария Ивановна! Это здорово, – вежливо ответила она и вдруг закричала: – Ваня! – и бросилась парню на шею. – С днём рождения!

Она достала из рюкзака большую, размером с альбомный лист, открытку и вручила ему. Он открыл и ахнул:

– Твой?! Спасибо! – и чмокнул её в щёку. Настасья стояла рядом и с улыбкой наблюдала за ними. Алексей тоже наблюдал и строил предположения о том, что же такого было в открытке и насколько близкие отношения у неё с Иваном. В итоге он решил, что Иван – больше, чем просто приятель, а в открытке – подаренные ему стихи. Журналист смотрел на открывающуюся его взору жизнерадостную картину, и она ему не нравилась: что-то, в его понимании, в ней было неправильное.

Наконец, Дуся повернулась к Алексею:

– Привет!

– Знакомься, это Лера.

– Евдокия, – представилась она и принялась с любопытством разглядывать его девушку, так что та даже немного смутилась. – Я принесла, – сказала наконец Дуся, вытаскивая из рюкзака стопку листов с напечатанным текстом, и протянула их Алексею.

– Спасибо.

Лера отошла к Марии Ивановне.

– Вы хорошо сочетаетесь, – заметила вдруг Дуся.

– Что?

– С Лерой.

Алексей опешил: они пока ни словом, ни жестом не проявили своих отношений!

– Очень интересно почитать твои стихи, – Алексей наконец придумал что сказать и кивнул на стопку бумаги.

– И нам будет очень интересно посмотреть твой репортаж! – с иронией ответила на комплимент Дуся.

Мария Ивановна предложила остаться Лере и Алексею, и они воспользовались приглашением: Лера – с восторгом, а Алексей – с сомнениями, но составляя компанию своей девушке.

Занятие в студии было похоже не на урок, а, скорее, на кружок по интересам. Мария Ивановна сначала обсуждала с Дусей материал для чтецкого конкурса, потом стала помогать студийцам с их текстами. В это время остальные либо что-то писали, либо обсуждали, но непременно по делу, никто не трепался просто так. Было видно, что в этой незамысловатой студии собрались действительно увлечённые люди. Алексею было интересно наблюдать за ними, а Лера так вообще смотрела на них с восторгом. Особенно на Дусю. Алексей заметил, что Лера не сводила с неё глаз ещё со знакомства. Потом девушки разговорились. Алексей наблюдал за ними с другого конца аудитории и невольно сравнивал. Такие разные. Как ангел и чёртик. Лера – светловолосая, светлоглазая, с мягкими вьющимися волосами, раскиданными по плечам, и Дуся – с чёрными волосами, завязанными в два растрёпанных пучка над ушами. Она что-то эмоционально рассказывала Лере, помогая себе жестами, а та слушала её с радостной улыбкой.

Мария Ивановна, конечно же, была рада принять Леру в коллектив.

– Творчество – дело добровольное и ничьему суду неподвластное, – сказала она. – Я никогда не провожу отбора, ведь нельзя знать заранее: насколько талантлив человек. А вдруг, я ему откажу, а он проявит себя где-нибудь в другом месте, например, через год или через два?

– Вы так говорите, как будто каждый человек обязательно должен обладать талантом, – улыбнулась Лера.

– А как же иначе? Но даже если у него талант, например, в гимнастике, я всё равно буду рада, что он заинтересовался литературной жизнью. Ведь что такое литература? Это жизнь души. Любое литературное произведение описывает внутренний мир человека.

– Да, пожалуй, вы правы, – с удивлением согласилась Лера. Она никогда не подходила к книгам со столь возвышенных позиций.

– А он, может быть, даже поважнее внешнего!

Домой Лера возвращалась задумчивая и молчаливая.

В пропасть

Литературная атмосфера заморозила Леру с первого знакомства, и теперь она всё чаще работала по ночам, пытаясь совместить учёбу, работу и новое увлечение. Так что все понедельники и четверги были расписаны и посвящены творчеству. А Алексей... Ни разу не выразив желания стать членом литературного коллектива, он тем не менее почти каждый раз приезжал туда с Лерой. Зачем? Он сам, наверное, не смог бы дать себе внятного ответа на этот вопрос. Лера с наивным лукавством замечала ему, что свободное творчество неизменно притягивает людей, а обаятельная руководительница внушает веру в собственные силы. Алексей не спорил.

Приходя на занятия, он больше наблюдал, чем что-то делал, благо, никто этому не препятствовал. И чаще всего его взгляд останавливался на Дусе. Он невольно оборачивался, когда её фигурка легко взлетала со стула и с животной грацией переносилась в другой конец аудитории. Своими быстрыми, но плавными движениями она напоминала Алексею какое-то животное (кошку, что ли?), очень лёгкое, грациозное и красивое, но не подозревающее о своей красоте. Неожиданно для себя самого он вдруг осознал, что Дуся красива. Он заморожено смотрел, как она садится на стул, по-детски поджав ногу, чтобы в любой момент вскочить, как приподнимается её короткая юбка, открывая стройные ножки в ярких шерстяных колготках. Алексей заметил, как много откровенного и одновременно невинного было в её неординарном наряде. Он не мог отвести глаз от её тонкой длинной шеи, по которой чёрными змейками спускались выбившиеся из пучка волосы. У Дуси была манера грызть ручку, когда она сочиняла, и Алексей смотрел, как она зубками теребила уже обгрызенный колпачок. В такие моменты в его животе что-то сжималось, и однажды он осознал, что Дуся – очень привлекательная девушка и она может вызывать не только дружескую привязанность. Эта мысль удивила его самого, но вовсе не обрадовала.

Поначалу он убеждал себя, что присматривается к Дусе только потому, что рядом с ней нередко оказывается Лера. Алексей видел, что девушки сдружились, но ему это казалось странным и даже почему-то было неприятно, хотя он понимал, что Дуся притягивала к себе людей кипевшей в ней энергией. Но как-то раз он поймал себя на мысли, что Лера давно разговаривает с Марией Ивановной, а он сам по-прежнему не сводит глаз с растрёпанного затылка.

Чаще всего она сидела с Ваней и Настасьей. И Алексея раздражало то, как она разговаривает с Ваней, как смеётся его шуткам, как горят её глаза, когда они обсуждают какой-то совместный проект. Однажды он увидел, как она тихо, чтобы не мешать остальным, шепчет что-то ему на ухо, обняв за шею тонкими руками, и ему стало досадно, потому что самому Алексею обыкновенно доставался не горящий взгляд, а насмешливая ухмылка.

Общение с Дусей вообще вызывало у него двойственные чувства. С одной стороны, в её поведении явственно проявлялись проницательность и незаурядный ум, а с другой – Дуся словно поставила себе задачей раздражать Алексея. Каждая её реплика, обращённая к нему, была наполнена иронией – как правило, не злой, но он не привык быть объектом насмешек, а эта мелкая девчонка с самого знакомства на каждом шагу ставила его в глупое положение. Но от этого желание перекидываться с ней насмешками только росло. Алексей как журналист тоже имел неплохо подвешенный язык, и Дуся оказалась достойным соперником по остроумию.

Так что мысли об их словесных поединках стали посещать его не только в литературной студии. Сидя на лекции, он воспроизводил в памяти её смех, её манеру хмурить брови, когда что-то ей не нравилось, её напряжённый взгляд, когда она была чем-то увлечена.

Под Дусино обаяние попала и Лера. Она прочла все её стихи и рассказы и, буквально, раскрыв рот слушала, когда Дуся заговаривала о творчестве, о своих задумках, а их у этого чертёнка всегда было неисчерпаемое количество.

Алексей, естественно, тоже прочёл то, что дала ему Дуся. Стихи ему понравились: они были глубокие и лёгкие одновременно. Глубокие – потому что она умела подмечать обычно незаметные, но важные моменты жизни, а лёгкие – потому что понятные, без искусственных, надуманных образов. Её слог казался естественным, как она сама. Она писала о ценности дружбы, некоторые стихи были о природе, вернее, её описания наводили на мысли о смысле человеческой жизни. И ни одного стихотворения о любви. «Надо же! – подумал Алексей. – Неужели её это совсем не интересует?»

Листки с текстами Дусе отдавала уже Лера, почти сразу отобравшая их у парня. Отдавая, она долго выражала подруге своё восхищение. Дуся слушала её молча, улыбаясь кривоватой усмешкой (была у неё такая манера – улыбаться только одним краешком губ) и бросала насторожённые взгляды на Алексея. Но он только поблагодарил за стихи и сказал, что они ему понравились.

Выходили из университета они, как правило, втроём, вернее, подруги выходили вместе, а Алексей плёлся за ними, уже плохо соображая, кого из них он сопровождает. Они доходили до развилки и разделялись: Дуся – налево, к метро, а Лера и Алексей шли дальше, к шоссе, к его машине. Он больше не предлагал Дусе подвезти её и так и не узнал, где она живёт.

Декабрь подходил к концу. Москва сверкала разноцветными лампочками, уже месяц как готовая встречать Новый год, так что москвичи уже привыкли к расставленным повсюду ёлкам и перестали вообще вспоминать, что они означают. А студентам и вовсе было не до ёлок – сессия в разгаре. В студии народу поубавилось: в экзаменационной гонке не многим удавалось выбрать время для творчества. Однако двадцать седьмого числа всё-таки решено было собраться по случаю грядущего праздника. Собрались не все, но Алексей и Лера пришли. Она – несмотря на усталость, нехватку времени и синяки под глазами от недосыпа. Журналист шёл на праздник, вспоминая, как в прошлый раз он явился сюда в качестве гостя.

Всё-таки Мария Ивановна умела создавать тёплую атмосферу! Студенты читали стихи, многие дарили друг другу небольшие подарки, поздравили, естественно, и Марию Ивановну. Потом пили чай с печеньем – Дусиным. Оно было в форме фигурок разных животных, и Дуся веселилась, угощая приятелей той зверюшкой, которая, по её мнению, подходила именно ему или ей. Алексею достался лось. «С рогами!» – хохотнул кто-то. Улыбка мгновенно слетела с Дусиного лица, она сверкнула глазами на неудачно пошутившего и с презрением произнесла: «Если бы ты видел живого лося, то знал бы, что это очень красивое и грациозное животное». Но тут один уголок её губ приподнялся. «А это тебе. С Новым годом!» – она протягивала шутнику песочного барашка. Тут уж грохнули все, даже Лера.

Когда они выходили из универа, крупными хлопьями пошёл снег. Он ложился на шапки, капюшоны и белел на чёрных растрёпанных Дусиных косах. Несколько раз за то время, пока они втроём шли до развилки, девчонка замирала посреди дороги, задрав голову и высунув язык, в надежде поймать хоть одну снежинку. Отчаявшись, она поймала полупрозрачную звёздочку на варежку, остановилась и принялась её разглядывать. Друзья терпеливо ждали. «Какая красота! – тихо произнесла Дуся. – Ведь это же настоящее чудо – эти тонкие прожилки, такой узор человеку создать не под силу». Она снова двинулась вперёд, но медленно, не сводя глаз со своей снежинки.

Когда они уже прощались на развилке, Алексей вдруг неожиданно для себя самого сказал:

– Мы сдаём последний экзамен перед Новым годом и тридцатого идём кататься с горок, если снег не растает. Хочешь с нами? Будут ещё мои друзья – мы компанией собираемся.

– На чём? – Дусины глаза загорелись.

– На тубах, на ледянках, на санках – кто как.

– Я хочу! А где?

– В Царицынском парке. Была там?

– Ещё бы! – она усмехнулась. – Меня в детстве бабушка туда часто водила. Больше всего мне нравилось залезать на руины! Мои любимые – наверху, там, где пруд поворачивает. Но лазить можно было только с бабушкой, а мама страшно ругалась. Интересно, это остатки чего? Ну, каких строений?

– Ничего, они искусственные, – ответил Алексей.

– Да ладно? – Дуся посмотрела на него недоверчиво. – Зачем создавать искусственные разрушения?

– Такая была мода в восемнадцатом веке.

Дуся смотрела на него, широко раскрыв глаза.

– И кусок стены на острове тоже ненастоящий?

– Да, причём раньше на его месте было два острова, соединённых аркой, и под ней можно было проплывать на лодке, а потом они слились.

– Круто! Два острова рядом! – В Дусиных глазах загорелся огонь интереса к новому.

– Так ведь острова тоже искусственные.

– Да? – Дуся была очень разочарована. – А я думала, это редкое природное явление...

Алексей расхохотался над её наивной реакцией. У него вдруг резко поднялось настроение. Конечно, ему нравилось женское восхищение, но сейчас дело было не в этом: насмешливая девчонка вдруг взглянула на него с таким искренним интересом, что он был готов рассказать ей прямо сейчас всё, что знал о Царицыне и не только. Но они уже подошли к развилке.

– Ладно, созвонимся.

Дуся махнула рукой и пошла прочь.

– Идём? – тихо сказала Лера, потянув его за локоть.

– А? Да-да, – он очнулся и пошёл к машине. По дороге домой (сначала – довести Леру, а потом – к своим родителям) оба молчали. Лера чувствовала, что тонкая иголочка нет-нет, да и коснётся её сердца. А у Алексея было прекрасное настроение.

Тридцатого встречались в метро. Самой дисциплинированной оказалась Дуся: когда подошли Лера и Алексей, она уже стояла у колонны и читала книжку. Едва они успели поздороваться, раздался зычный голос Серёги, которого было слышно аж с другого конца зала, несмотря на шум на станции:

– Здорово, ребята!

– Знакомьтесь, это Сергей, мой лучший друг, а это...

– Евдокия! – перебила она.

Алексей смолк. Его приятель недоумённо разглядывал чудо, с которым его только что познакомил. Алексей вздохнул: Дуся была в своём репертуаре, и ему даже стало как-то неудобно, что он её привёл. На ней были штанишки до колена, красные шерстяные колготки, красная спортивная куртка и меховые кроссовки. И вязаные варежки. Завершали это недоразумение две толстые, но короткие косички. Серёга продолжал с удивлением разглядывать стоящее перед ним явление.

– А ты откуда? – глупо спросил он.

– Из литературной студии, – поспешно ответил Алексей.

– Сочиняешь? – поинтересовался Серёга.

– Бывает, – ответила Дуся. – А ты откуда? – Дуся не любила оставаться в долгу.

– Мы с Лёхой однокурсники.

– Ясно.

– Значит, Евдокия? Как жена князя?

Дуся не ответила и в свою очередь стала разглядывать парня.

– Ну, Дмитрия Донского. Слышала? – решил на всякий случай пояснить он.

Уголок её губ пополз вверх.

– Спасибо за ликбез, я догадалась.

– Извини, – Серёга поспешно изобразил на своём лице раскаяние, поняв, что обидел её своими подозрениями в невежестве.

– Но, коли на то пошло, мне больше нравится аналогия с поэтессой девятнадцатого века.

Серёга немного удивлённо посмотрел на эту мелкую, знающую себе цену, а она ещё раз окинула его оценивающим взглядом и вдруг произнесла:

– Можно Дуся.

Серёга расплылся в улыбке:

– Ну, тогда можно Серёга!

– Договорились!

Наконец, собрались остальные, все – однокурсники Алексея, и направились к выходу.

Всё-таки, что ни говори, а разгрузка мозгов нужна всем, и детское дуракаваляние на ледянках (на совсем недетских горках) идеально для этого подходит. Наверное, пока летишь вниз, ветер вперемешку со снегом начисто выметает из головы все проблемы, по крайней мере, на время. И даже если ты уже вполне взрослый человек, и тебе надо думать об учёбе и работе, всё равно: ничто, даже алкоголь, не прочищает мозги столь качественно, как безбашенное катание с горки, так что в них не остаётся ничего, кроме хорошего настроения. Повезло тем, кто знает рецепт хорошего отдыха!

Отрыв был полный. Все были по уши в снегу. Съезжали по одному, по парам, а особый азарт вызывал спуск целой вереницей, которая неизменно к концу превращалась в кучу малу. Познакомившись с каждым из компании, Дуся тут же стала в ней своим человеком. Она хохотала вместе со всеми, кидалась снежками и непременно оказывалась в самой гуще событий. Алексей не сводил с неё глаз – это уже, кажется, вошло у него в привычку. Он подмечал каждую мелочь в её облике: раскрасневшееся лицо, падающий от ветра капюшон, прилипший к варежкам снег, который она безуспешно пытается отряхнуть... И каждый её жест вызывал у него улыбку.

Лера тоже смотрела на Дусю, а вернее, на Алексея, который, как идиот, смеялся над каждой шуткой первокурсницы, только Лере это радости не прибавляло. Как всегда, она не участвовала в этих безбашенных забавах. Она приходила вместе с Алексеем, но не каталась, а только гуляла по дорожкам в хорошенькой шубке и сапожках на небольшом каблучке и болтала с друзьями, а ещё любовалась на своего Алёшу. Только сегодня её это совсем не радовало, к тому же парень, увлечённый играми, почти не заговаривал с ней. В душе у Леры густым туманом расплзалась тоска.

Склон в парке был неровный, поэтому варианты для спуска были на любой вкус: и пологий, и покруче, и подлиннее. Был и самый крутой, спускаться с которого отваживались лишь самые отчаянные лихачи, в том числе Серёга. Особенно впечатлял последний этап горки: она вела прямо к пруду, и, чтобы не упасть с крутого берега, из снега была слеплена стенка – своего рода отбойник, уводивший катящегося в сторону.

Когда Серёга подошёл к этому спуску (впервые в этом сезоне), приятели закричали, заулюлюкали, стали подбадривать самого смелого среди них. В вихре снега, под крики товарищей Серёга лихо завернул перед прудом. Когда он поднялся к друзьям, приветствовали как победителя, но последовать примеру никто не решался.

– Круто!.. – негромко произнесла Дуся, и все обернулись. Она стояла на склоне и восхищённо пробежала глазами спуск.

– Дусь, не вздумай! – выкрикнул Алексей.

Лучше бы он этого не говорил. Она резко вздёрнула подбородок и посмотрела на него с вызовом:

– Это почему?

- Дусь, тут правда опасно, – поддержал приятеля Серёга.
- Ну, с тобой-то вон ничего не случилось!
- То я! Я здесь уже который год катаюсь.
- Значит, теперь моя очередь!

Дуся лихо бросила на снег ледянку, села, оттолкнулась и скользнула вниз. Ребята, замерев, следили взглядом за маленькой, чёрно-красной фигуркой, почти скрывшейся в клубах снега. Лера взяла Алексея за руку, но он даже не заметил этого. Яркое пятнышко далеко внизу мелькнуло перед поворотом и... не войдя в него, перелетело через снеговую стенку и скрылось. Долю секунды стояло гробовое молчание, а потом все зашумели, Серёга и за ним Алексей бегом, спотыкаясь и падая, кинулись по горке к пруду. Друзья подбежали к берегу и заглянули вниз. Дуся была жива и невредима, только вся в снегу: и одежда, и волосы, и даже лицо. Она уже поднялась на ноги и пыталась выбраться, но склон был слишком отвесный.

– Держись, – парни протянули руки и легко вытащили девчонку на берег. К этому времени подоспели и остальные.

- Ты цела? – загомонили они.
- Как так вышло?
- Серёга же съехал нормально!
- Она вылетела, потому что слишком лёгкая!
- Хорошо, что лёд оказался крепкий!
- Тебе повезло!

Девчонки стали отряхивать Дусю от снега. Она скинула варежки и стала ладонями стирать с лица снег. Её глаза светились восторгом. Серёга смотрел на Дусю с уважением.

– Слушай, я впервые встречаю такую смелую девчонку! – Он протянул ей ладонь.

– Ну, всё когда-то бывает впервые! – Она усмехнулась, шмыгнула мокрым от растаявшего снега носом и пожала протянутую руку. Её покрасневшие от холода пальчики утонули в мощной Серёгиной лапе.

- Ты что такая ледышка?
- Ерунда, просто варежки промокли.
- Её вязаные варежки, действительно, были похожи на две большие сосульки.
- На мои, – Серёга протянул ей свои лыжные перчатки.
- Не надо, мне и так нормально! – запротестовала она.
- Бери, бери, ты сегодня герой дня, а у меня есть тёплые карманы.
- Спасибо, – Дуся надела огромные перчатки.

Зимой темнеет рано, и промокая компания, нагулявшись и замёрзнув, решила двинуться в обратный путь. По дороге Серёга поймал на себе недовольный взгляд Алексея.

– С каких пор тебя на малолеток потянуло? – хмыкнул Сергей, когда они немного отстали от остальных. – Она, конечно, забавная, но...

- Во-первых, она не малолетка! – тут же взвился Алексей. – Она в универе учится!
- Да ну?!
- Представь себе! На первом курсе.
- Никогда бы не поверил!
- А во-вторых, придержи свои шуточки! Я здесь с Лерой!
- Когда тебя это останавливало? Я же вижу, как ты на Дуську смотришь!
- Тебе приключилось! – буркнул Алексей и замолчал, потому что они уже дошли до метро.

Все стали прощаться.

– Слушайте, ребят, – Серёгу вдруг осенило, – у меня идея: пойдёмте ко мне! Отец сегодня на дежурстве, а мать возражать не будет, только купим чего-нибудь поесть, ну, и погреться!

Компания загалдела: идея всем понравилась.

– Ладно, пока, – сказала Дуся.

– Ты что? Пойдём с нами! – Серёга решил, что она не восприняла приглашение на свой счёт.

– Не могу, мне надо домой.

– Да перестань! Завтра же выходной! Ну, позвони, предупреди, что задержишься. Ещё же поздно. Если надо, можем тебя потом до метро проводить, – Дуся была младше всех, и Серёга чувствовал некоторую ответственность за эту мелкую.

Дуся помолчала, сосредоточенно сдвинув брови.

– Ладно, идём.

Серёга жил недалеко – через несколько станций метро. По дороге компания купила сосисок, макарон и «погреться». Его мама уже привыкла к большим шумным компаниям сына и ничего не имела против них, если мужа не было дома: тот требовал тишины и порядка в своём присутствии. Но мать не раздражала толпа студентов, при том что она знала: сын успевает не только веселиться. Когда компания ввалилась в квартиру, она только забеспокоилась:

– Серёжа, мне же вас накормить нечем...

– Не волнуйся, мам, мы всё купили, мы люди запасливые!

– Ну, молодцы! – женщина улыбнулась и ушла в свою комнату.

Парни уткнулись в компьютер, а девчонки остались хозяйничать на кухне. Сварить сосиски с макаронами – дело нехитрое, поэтому, поставив кипятить огромную кастрюлю воды, Аня и Лена – две подруги – увлеклись обсуждением своих дел, Дуся стала осматривать место, где оказалась впервые, а Лера – наблюдать за ней.

Леру обуревали странные, противоречивые чувства. Любя Алёшу, каждое мгновение сосредоточивая на нём всё своё внимание, конечно, она не могла не заметить его взглядов, бросаемых на Дусю, но не могла понять их значения. За все студенческие годы их отношения с Алексеем то развивались бурно, то совсем прерывались. Нет, они не ссорились, но Алёша мог вдруг перестать обращать на неё внимание, звонить и вообще заговаривать первым. «Привет!» – «Привет!» на лекции, и всё. Потом до неё доходили слухи, что он был с Машей или Юлей. Это были только ничем не подтверждённые слухи, и Лера предпочитала не докапываться до правды: так ей было проще. С Машей или Юлей она старалась не встречаться взглядом, чтобы избежать боли – работал инстинкт самосохранения. А потом Алёша вдруг приглашал Леру на свидание, дарил цветы, и она грелась мыслью о том, все Маши или Юли рано или поздно исчезают, а он остаётся с ней.

Но сейчас она была в замешательстве. Алексей смотрел на Дусю не так, как парни смотрят на девушку, которую мечтают заполучить. В его глазах не было желания, а только интерес, но интерес всепоглощающий, и от этого Лере становилось не по себе. Она попыталась представить, что ещё немного – и он, как обычно, исчезнет из её жизни, будет дарить цветы Дусе... Но не смогла. Дусин образ вообще как-то не вязался со свиданиями.

У девчонки вдруг зазвонил телефон, и она вышла в коридор. Алексей в комнате невольно наострил уши, услышав её голос.

– Да, мам?.. Мы гуляем... Ну, вернее, мы зашли пообедать... Я не вру! Я так и говорю!.. Домой к Серёге... Ты его не знаешь... Зато я знаю, а тебя это не касается! – Голос Дуси почти превратился в крик, но она старалась говорить потише. – ...Потому что я ещё не еду домой!.. Mam, я всё сделаю завтра утром, я успею!.. Ты не можешь мне приказывать, ясно?.. Я сказала: нет!..

Тем временем девчонки раскладывали по тарелкам еду.

– Ого! Это что?! – Серёга держал на вилки сосиску. Все грохнули: из неё, как волосы, во все стороны свисали длинные тонкие макароны.

– Это Дуся развлекалась! – сквозь хохот с трудом проговорила Лена.

– А где она?

– По телефону разговаривает, – поспешно сказал Алексей. – Я позову.

Дуся уже закончила говорить и стояла в коридоре вполоборота от него, держа в опущенной руке телефон. Алексей заметил, что её руки дрожат.

– Пойдём обедать, – сказал он.

– Сейчас иду, – ответила она, не шевельнувшись.

Он постоял ещё несколько секунд.

– Дусь?

Она быстро провела рукой по лицу – смахивала слёзы? – и зло уставилась на него:

– Я же сказала, сейчас приду! – почти выкрикнула она.

– Окей, – он примирительно поднял руки и пошёл ко всем.

Дуся, действительно, явилась через минуту. Следов слёз на её лице Алексей не заметил.

Её встретили хохотом:

– Это что?

– Сосиски лохматые, – мрачно ответила она.

– Ну, с наступающим! – Серёга уже разлил по рюмкам прозрачную жидкость.

Дуся наотрез отказалась от водки.

– Да ты не бойся, мы никому не скажем! – подмигнул Серёга, намекая на то, что Дусе ещё нет восемнадцати. – Хоть пятьдесят грамм, ты же замёрзла!

– Я за здоровый образ жизни, – криво усмехнулась Дуся, и в её голосе слышался сарказм.

Но пить отказалась.

Все шумели, смеялись, потом играли в шарады. Дуся забыла о своих проблемах или сделала вид, что забыла, и веселилась вместе со всеми. Как ни странно, она по-настоящему подружилась с Серёгой. Он преисполнился уважением к Дусе после того, как она повторила его подвиг на горке, а потом его совершенно покорило её обращение: Дуся оказалась первой девчонкой, в которой он увидел не кокетливую девушку, а настоящего приятеля. К концу вечера они хлопали друг друга по плечу и давали шуточные подзатыльники. Она называла его «Серёга», а он её – «Дуська» или «чудо в перьях», и обоих это вполне устраивало.

Наконец, ребята стали расходиться.

– Я тоже пойду, – сказала Дуся.

– Я провожу! – подскочил Алексей.

Повисла пауза. Лера вспыхнула и уставилась себе под ноги, желая провалиться сквозь землю, а Дуся замерла и уставилась на него, раскрыв рот. Остальные скользили взглядами по этой троице. Алексей сглотнул.

– Ну, мы проводим... Мы ведь тоже идём... Да, Лер?

Она молча кивнула, схватила шубку и стремительно выскочила на лестничную клетку. Алексей заторопился за ней.

– Дуська! – заявил Серёга, на прощание сгребая её в охапку, – мы ведь теперь друзья?

– Однозначно!

– Думаю, ещё увидимся!

– Наверняка! Я к вам в библиотеку приду курсовик писать.

– Приходи. У нас вот такая библиотека! – он показал два больших пальца. Оба заржали.

Дорога до метро показалась Алексею безумно долгой из-за напряжённого молчания. Он лихорадочно пытался придумать, что сказать, но его обрывочные формальные фразы вроде «здорово покатались» и «хорошо, что впереди выходные» остались без ответа. Лера не собиралась помогать ему выпутываться из глупого положения, а Дуся улыбалась, вообще, похоже, погрузившись в свои мысли. Но когда она попрощалась и села на поезд, Алексею легче не стало: Лера продолжала молчать. «Пока» было единственным словом, которое она произнесла, уже открывая дверь своего подъезда.

Открытие

Лера вошла в квартиру, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Закрыла глаза, чтобы темнота расплзлась в её голове, закрыла собой все мысли и воспоминания.

– Лера? – раздался голос матери.

Она не ответила.

– Лера, это ты? – настойчиво переспросил голос.

– А кто же ещё, – буркнула девушка, сняла шубу, сапоги и прошла к себе в комнату.

Но мать, видимо, заметила её настроение, потому что вошла следом.

– Здравствуй, мама.

– Есть хочешь?

– Нет, спасибо.

Мать решительно взяла дочку под руку:

– Пойдём-ка чаю выпьем.

Лера не сопротивлялась. Мать поставила перед ней чашку.

– Ну, рассказывай. Что случилось?

– Ничего, – слабо проговорила Лера.

– Опять с Алексеем поссорилась?

– Мам, ты же знаешь, мы никогда не ссоримся.

– Знаю. Он опять... неизвестно где?

– Нет...

На самом деле, Лера и сама хотела бы поделиться с матерью своими переживаниями, но не знала, что сказать. Они помолчали.

– Знаешь, мам, я сегодня сделала открытие. – Лера улыбнулась – ей самой вдруг стало смешно от этой мысли, а вернее, оттого, что она пришла ей в голову только сейчас. – А ведь мы с Алёшей совсем не пара. У нас как игра в одни ворота. – Лере вдруг захотелось высказаться, рассказать о том, о чём она не говорила никому и никогда. Она словно решила подвести итог пяти годам их отношениям. – Я не нужна ему. Вернее, он ко мне очень хорошо относится, я знаю, он меня даже любит по-своему, но я ему не интересна. Я не нужна ему сама по себе, а только как девушка вообще – хорошая, симпатичная. Терпеливая. А я устала латать дыры. Придумывать то, чего нет, домысливать любовь, которой нет. Надо же! Я увидела это только сегодня!

– Лера, что случилось-то?

– В том-то и дело, что ничего, мам.

– А что тогда? Вы же столько лет вместе...

– Да разве это имеет значение, когда...

– А как же? Вы столько пережили, что это говорит о...

– Да ни о чём это не говорит, мама! – Лера почувствовала, как у неё внутри поднимается волна злости, на глаза навернулись слёзы. – И ты сама это знаешь лучше меня!

Лера редко повышала голос, тем более на мать. Они вообще жили душа в душу, прекрасно понимая друг друга – они были похожи. И совершали одни и те же ошибки. А теперь вдруг согласие кончилось, потому что Лера, взбунтовавшись, наверное, впервые в жизни захотела выбраться из наезженной колеи и пойти своим путём. Не то чтобы у неё была конкретная цель: просто, глядя на Дусю, которая, казалось, всё и всегда делала вопреки, Лера вдруг увидела края своей колеи и обнаружила, что за этими краями есть другая жизнь – огромная, привлекательная своей неизвестностью, в которую Лера никогда раньше не заглядывала. А может, даже не своей, а маминой, потому что это был принцип её матери – плыть по течению, – годами

выработанный ещё задолго до Лериного рождения. И в наследство Лере досталось лишь одиночество матери и имя отца, которого она видела два раза в жизни.

Лерина мать так и не была замужем. Она любила отца своей дочери (тогда ещё будущего), много лет встречалась с ним, не смея просить о большем, потому что чувствовала: для большего он не готов, и понимая (всё понимая!), что он не создан для тихой, скучной семейной жизни. Она была счастлива, когда забеременела от него – не потому, что это был способ привязать его, а потому, что теперь у неё была частичка её любимого. Вот тут и случилась свадьба – только женился он не на ней, а на другой девушке, сказав Лериной матери, что она вольна, если хочет, оставить своего – только её – ребёнка. Она оставила и посвятила Лере свою жизнь, изредка задумываясь над тем, в чём причина её несложившихся отношений.

Но даже жестокая жизнь не смогла научить её делать выводы, и теперь она боялась не того, что дочь повторит её судьбу, а того, что та сама откажется от своего счастья.

– Лерочка!.. – только и смогла ошеломлённо прошептать мать и, ничего больше не придумав, добавила: – Ложись спать, детка. Отдыхай. – Она уже был не рада, что затеяла разговор с дочерью.

Лера, действительно, устала – морально – и легла в надежде забыться сном, но её перевозбуждённое сознание никак не желало отключаться. Мысли вертелись вокруг одного и того же, как белка в колесе вокруг оси, будучи не в состоянии выбраться из замкнутого пространства. Именно сегодня Лера вдруг впервые очень отчётливо увидела, что Алексей ей не принадлежит.

Она продолжала надеяться, что он позвонит, когда однажды летом, после второго курса, он пропал на целый месяц; она не чувствовала отчаяния, когда впервые заметила его возбуждённый взгляд, направленный на Юлю с параллельного курса; она боролась со слезами, когда однокурсницы бросали на неё сочувствующие или презрительные взгляды (в зависимости от их отношения к Лере).

Но сегодня в парке (да положила руку на сердце, не только сегодня, но и весь последний месяц) она вдруг увидела огонь в глазах любимого. И искрой, который зажёт этот огонь, была не она. И это был не огонь похоти, но огонь интереса. Такой загорался в Алёшиных глазах, когда его что-то по-настоящему увлекало: например, когда он готовил материал для новой статьи. Это был восторг творчества.

Так он смотрел и на Дусю – как на новое явление, раскрывающееся перед его взором. И Лера, будучи девушкой далеко не легкомысленной, понимала: такой интерес сильнее желания физического, сильнее его привычки к ней, Лере, сильнее привязанности к спокойной, благополучной жизни.

Лера не стала говорить об этом матери (да и что бы она ей сказала?) и теперь, тридцатого декабря, засыпала наедине со своими невесёлыми мыслями.

Новый год никогда не был для неё любимым праздником, потому что абсолютно все тридцать первые декабря проходили одинаково скучно – вдвоём с матерью. Если даже Леру куда-то приглашали, она не смела оставлять мать совсем одну в новогоднюю ночь, поэтому эта ночь мало чем отличалась от всех остальных – разве что наличием шампанского и однообразно-шумными передачами по телевизору. Лера смирилась с этим, как привыкла смиряться со всеми неприятностями в её жизни.

Утро показалось ей продолжением тяжёлого кошмарного сна. Леру не покидало ощущение начала конца. А может быть, это всё-таки была действительность? И тогда в ней надо как-то существовать. Первой мыслью было обрубить эту бесконечно тянущуюся тоску: самой позвонить Алексею и сказать, что больше не хочет никаких отношений. Всё равно разрыв рано или поздно произойдёт – так зачем тянуть резину, мучиться, выслушивать эти страшные слова от него, причём в тот момент, когда она, скорее всего, не будет готова к удару? Лучше уж сейчас, пока решимость не угасла.

Но звонить тридцать первого декабря и вместо поздравления сказать «не звони мне больше» показалось Лере ужасно глупым. Да и с чего? Ссоры не было, они расстались только вчера. Мелькнула надежда: а вдруг ей всё показалось, и на самом деле всё хорошо? Но она чувствовала: не всё хорошо. Тут ей ещё пришло в голову: вдруг она попросит «не звони», а он и не собирался? Ещё глупее. Так ничего и не решив, Лера пошла в ванную, думая теперь о Дусе. Как ни странно, Лера на неё не злилась. Ну, во-первых, ей это вообще было не свойственно, тем более что Дуся и не сделала ничего плохого – она обращала не больше внимания на Алексея, чем на остальных. А во-вторых, она по-прежнему вызывала у Леры восхищение, она была её идеалом. Дуся воплощала собой те черты, которые так хотелось бы иметь самой Лере: решительность, неуёмную весёлость, талант, наконец. У себя талантов Лера не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.